Шекспир

16.9.99.

35

Игра об Уильяме Шекспире,

или Тайна одного "Завещания"

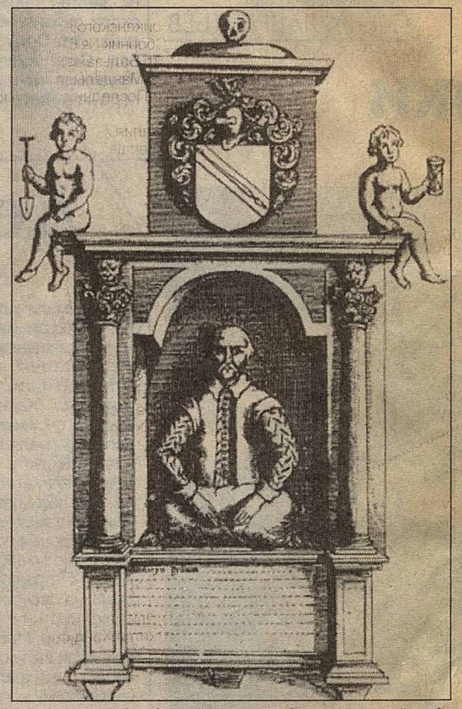
Культура. – 1999. – 16–22 сент. – с.7

Содержание "Завещания" Шекспира служит одним из основных аргументов для "нестратфордианцев" – сторонников мнения, что актер Шекспир из Стратфорда не мог написать пьесы Шекспира. Рискну добавить к многочисленным гипотезам о Шекспире еще одну.

Проделаем такой мысленный эксперимент. Покажем кому-нибудь следующий отрывок: "...после смерти же ее я завещаю упомянутые только что имущества первому законному сыну ее и законным наследникам мужского пола упомянутого первого сына ее; за неимением же такового потомка – второму законному сыну ее и законным наследникам мужского пола упомянутого второго сына ее; за неимением же таковых наследников – третьему законному сыну поименованной Сьюзен и законным наследникам мужского пола упомянутого третьего сына ее (и т.д. ad infinitum. – **А.С.**)", – и спросим, к какому жанру относится произведение, из которого взят этот отрывок.

Скорее всего мы услышим ответ: "Это из какого-то юмористического рассказа". Отвечающий может вспомнить нечто похожее: "...И обнаружил микроскоп, Что на клопе бывает клоп, Питающийся паразитом; На нем другой – ad infinitum" (Дж.Свифт).

Между тем это отрывок из "Завещания" Шекспира. И эта тягомотина продолжается до седьмого сына. Вариант Шекспира должен, казалось бы, вызвать ту же реакцию – смех.



Слева: настенный памятник Шекспиру в стратфордской церкви. Современный вид. Справа: стратфордский бюст Шекспира по гравюре У.Дагдейла. 1656 г. Нет ни пера, ни бумаги

Но в целом "Завещание" нередко вызывает совершенно другую реакцию. "Самое важное в этом документе – бросающееся в глаза поразительное духовное и интеллектуальное убожество завещателя... Заскорузлость, ограниченность кругозора – типичного кругозора дельца, целиком погруженного в меркантильные расчеты..." – пишет П.Гилилов в своей книге "Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса".

Джозеф Грин, нашедший "Завещание", писал: "...пришлось бы унизить его достоинство как писателя, предположив, что хотя бы одно предложение в этом завещании принадлежит ему".

Выше мы обратили внимание на то, что один отрывок из "Завещания" подозрительно похож на отрывок из юмористического рассказа.

Возьмем какой-нибудь рассказ Зощенко, например "Аристократка". Мы обнаружим "поразительное духовное и интеллектуальное убожество" героя, от лица которого ведется рассказ.

Предположим, что мы нашли бы рукопись этого рассказа. Разве мы сочли бы, что "унизили чье-то достоинство как писателя, предположив, что хотя бы одно предложение в рассказе принадлежит ему"?

Автор "Завещания" также вовсе не "интеллектуально убогий" тип: "...нет признаков того, что умственные способности и память завещателя были серьезно ослаблены болезнью, – ведь он так подробно излагает сложный порядок наследования нажитых им имуществ". Завещание – чрезвычайно изощренное произведение, поражающее знанием того, как пишутся такие юридические документы.

Некоторые авторы, писавшие о Шекспире (в том числе Марк Твен), обнаружили в его пьесах удивительное знание юриспруденции и сделали отсюда вывод, что Шекспир работал по меньшей мере клерком в адвокатской конторе. "Специальные исследования, проведенные учеными в последние полтора столетия, показали основательность познаний Шекспира в (...) юриспруденции (...). В шекспировских произведениях насчитали 124 места, связанных с юриспруденцией..." Так что, если судить по этому признаку, автор "Завещания" похож на автора пьес.

Мог ли "интеллектуально убогий" и мелочный человек написать "Завещание"?

Я думаю, что нет. Сколь бы человек мелочен ни был, он не стал бы распоряжаться своим имуществом "до седьмого законного наследника своей дочери и наследников этих законных наследников". В литературном произведении это возможно, но в завещаниях такого не бывает.

Я уверен, что не существует второго подобного завещания, так как некоторые места в нем всерьез написать невозможно, а интеллектуально убогие и мелочные люди обычно очень серьезны.

Вспомним еще, что у "поименованной Сьюзен", семеро сыновей которой упоминаются в "Завещании", не было ни одного сына.

Я выскажу предположение, что "Завещание" – это произведение, которое, с одной стороны, должно было служить обычным завещанием, а с другой стороны, представляет собой пародию на завещание – настолько там утрированы особенности таких документов. Многих поражает чрезвычайная запутанность построения предложений в "Завещании". Исследователь творчества Шекспира Чарльз Гамильтон пишет, что он изучил сотни завещаний XVII века и может сказать совершенно определенно, что если бы существовала награда, присуждаемая писателю, который максимально исковеркал нормальный человеческий язык, то ее получил бы Шекспир за "Завещание". Попробуйте прочитать предложение, которое начинается со слов: "Также я дарю и завещаю моей дочери Джудит сто пятьдесят фунтов стерлингов..." В одном предложении 13 раз (!) повторяются выражения вроде "упомянутая дочь", или "упомянутые 150 фунтов стерлингов", или "в вышеупоименованном размере".

Склонность Шекспира-драматурга к пародированию хорошо известна: например, речи Полония пародируют использование риторических фигур. И по этому признаку автор "Завещания" похож на автора пьес.

Если "Завещание" – официальный документ и одновременно насмешка над языком официальных документов, то абсурдны доводы нестратфордианцев о том, что в "Завещании" не проявляется высокий интеллект Шекспира, что словарь "Завещания" не так богат, как словарь автора "Гамлета" или сонетов, и т.п. Завещание – не пьеса, не сонет и не поэма. Это совершенно другой жанр.

Окружающие Шекспира люди не могли и не должны были понять пародийности "Завещания". Шекспир не рассчитывал и на то, что "Завещание" прочтут и поймут далекие потомки. Это был театр, в котором перед смертью играл один гениальный человек для одного человека – самого себя.

Айзек СЕРЕБРЯНЫЙ